

СМЫСЛ И БЕЗМОЛВИЕ

С.А. Никольский

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.6.12050

ГОЛОС И МОЛЧАНИЕ. АННА АХМАТОВА

Аннотация. Одно из измерений отечественной поэзии XX столетия — иное, чем было в русской классической литературе соотношение между голосом и молчанием. Прежде, в XIX столетии, народ хотя и безмолвствовал, но сохранял, как полагали отечественные писатели, слово внутри себя. В XX веке народ в полной мере онемел. Стало ли это следствием «долгого исторического рабства», о котором предупреждал А.И. Герцен, или это было результатом устроенного большевиками переустройства русского мира на тоталитарных основаниях?

Голос и молчание как проявления национального духа исследуются посредством методологии «понимания и сочувственного постижения его внутренних тенденций и своеобразия» (С.Л. Франк). В результате феномен поэзии Анны Ахматовой раскрывается как результат коллективного молчания и коллективного говорения Поэта и Народа. Сравнение под этим углом зрения ее стихов с поэзией Осипа Мандельштама и прозой Андрея Платонова позволяет увидеть в их творчестве общее и отличное, прежде исследователями не фиксированное.

Ключевые слова: поэт, народ, поэзия, власть, творчество, голос, молчание, история, общественное сознание.

Незадолго до смерти в 2009 году большой скульптор Лазарь Гадаев создал памятник Осипу Мандельштаму. Установленный на окраине тихого парка в Воронеже мертвый поэт своим изваянием как бы пытается докричаться до идущих мимо людей. Тщетно. Не слышат. Не замечают. Молчат.

Творцы, а только по отношению к ним и стоит обсуждать эту тему, к собственному вынужденному молчанию относились по-разному. Мандельштам, преодолевая удушающую горловую хватку власти, судорожно хрипел. Андрей Платонов долго не находил выхода и страдал. (Однажды ночью, как свидетельствует исследователь его творчества А. Варламов, проснувшись, он даже увидел себя самого сидящим за столом и что-то пишущим)¹. В конце концов, научился говорить сам с собой. Но и от этого разговора-бормотанья те, кому было положено подслушивать, покрывались холодным потом. Ахматова, как вспоминают друзья, почти неслышно «бурчала». Но кроме превращения в голос личного молчания,

она слушала молчание народа. Что об этом думала? В ее рабочей тетради находим слова из надгробной речи епископа Сенезского Де Бове Людовику XV: «Народ не имеет права говорить, но, без сомнения, имеет право молчать!.. И тогда его молчание является уроком для королей!»². Не слишком ли обнадеживающе для России? У народа Франции не было права говорить, что не означает, что говорить он не умел. Напротив, умел и делал это часто. А вот умел ли говорить народ на родине великого поэта?

* * *

Не думаю, что в России, славящейся своей «стабильностью» во многих отношениях, народ во времена Анны Андреевны сильно отличался от нынешнего. Большевизм, в пору расцвета которого довелось жить Ахматовой, по свидетельству философа Федора Степуна, создал в стране невиданную в истории «фабрику единообразных человек». Послушаем: «Очевидно, государственный деспотизм не так страшен своими политическими запретами, как своими

¹ Варламов А. Андрей Платонов. М.: ЖЗЛ, 2011.

² Цит. по: Коваленко С. Анна Ахматова. М.: ЖЗЛ, 2009. С. 271.

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-03-00041
«Философское содержание поэзии «серебряного века»: прошлое для будущего».

культурно-педагогическими заданиями, своими замыслами о новом человеке и новом человечестве»³. В переделке народа замысел, надо признать, удался. Но остается вопрос: что под народом понимать?

XX век, в лице многих творцов избавившийся от «народолюбия», обязательного для разночинной и части аристократической интеллигенции XIX столетия, соотношение голоса поэта и народного молчания видел по-иному. Но чтобы оттенить это, надо вернуться к пониманию, принятому в XIX веке. И здесь, конечно, первое слово Пушкину.

Надо признать, что часто оправдательно трактуемое у нас тотальное «безмолвие» народа — вовсе не оправдание у автора «Бориса Годунова». Пушкин понимает, но не оправдывает народ, в том числе и потому, что большой разницы между ним и его господами нет. Много истинного в трагедии Пушкина есть в словах о народе и бояре, и самого Бориса. Народ нищ и темен, а нищета лишена человеческих достоинств, совести в том числе. Вот, к примеру, поведение бабы с младенцем на руках в сцене народного плача при уговорах Бориса принять царствие:

«Б а б а (с ребенком)

Ну, что ж, как надо плакать,

Так и затих! вот я тебя! вот бука!

Плачь, баловень!

(Бросает его об землю. Ребенок пищит)»⁴.

Показателен и финал трагедии. Как помним, народ в порыве подбострастия к Димитрию бросается ко дворцу с криками: «...Вязать Борисова щенка!», «Да гибнет род Бориса Годунова!». И это вряд ли шутка — расправа вполне вероятна.

Но вот этот порыв материализован. Голицын, Мосальский и другие бояре вершат дело убийства жены Бориса и его сына Федора:

«Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит

Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ безмолвствует»⁵.

Что происходит? Почему только что явленный народный порыв к убийству гаснет? Народ одумался, осознал греховность убийства? И если бы его не опередили бояре, народ, вопреки намерению, не растерзал бы Федора? Прямого ответа на эти вопросы нет. Однако, как представляется, очевидно: народ в очередной раз хотя и ужасается, но соглашается принять факт убийства, исполненного властью. И, более того, он признает право на господство очередного убийцы. В этой связи, в нравственном отношении, столь ли велика разница между не совершившим, хотя и намеревавшимся совершить убийство народом, и намеревающейся и исполнившей это намерение властью?

Впрочем, отличие есть. И оно, к сожалению, не в добром, а в злом начале, на которое одни не способны, а другие следуют ему легко. Дело, как кажется, в отсутствии у низовой массы той самой готовности идти до конца, переступая через трупы, которое есть у государей, самозванцев, деспотов вообще. У них, в отличие от народа, для совершения преступления, диктуемого логикой борьбы за власть, «кишка не тонка». Народ же не идет на это не потому, что он нравственен и высок, а потому, что им управляет страх неизвестности перед тем, что находится «по ту сторону добра и зла», да и прямые опасения: «а ну, как дело повернется по-другому?»

Если принять это объяснение, то тогда, кажется, становятся понятными слова, высказываемые о народе боярами Шуйским, Пушкиным, да и самим Борисом.

«Ш у й с к и й

... бессмысленная чернь

Изменчива, мятежна, суеверна,

Легко пустой надежде предана,

Мгновенному внушению послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями питается она»⁶.

«Пушк и н

...Попробуй самозванец

Им посулить старинный Юрьев день,

Так и пойдет потеха»⁷,

«Ц а р ь

Нет, милости не чувствует народ:

³ Степун Фёдор. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 214.

⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-и тт. М., 1981. Т. 2. С. 360.

⁵ Там же. С. 426.

⁶ Там же. С. 380.

⁷ Там же. С. 381.

*Твори добро — не скажет он спасибо;
Грять и казни — тебе не будет хуже»⁸.*

В отечественных исследованиях есть, конечно, иные трактовки проблемы молчания, народного мятежа и права на убийство. Их авторы полагают, что этой трагедией великий поэт хотел показать, что сильнее государственной неправой власти народное мнение, которое рано или поздно карает эту власть. «Народное мнение, а не цари и самозванцы творят суд истории — вот великая мысль Пушкина в «Борисе Годунове», — читаем, например, у Г. Волкова⁹. Мне мысль эта не кажется бесспорной. И даже довод автора, о том, что «мнение народное произнесло свой приговор над Борисом Годуновым ...устами юродивого:

— Нельзя молиться за царя ирода!», а сам Пушкин признавал, что он «никак не мог упрятать моих ушей под колпак Юродивого. Торчат!»¹⁰, — не доказывают правоты исследователя. Известно, в частности, что авторское «Я» поэт связывал и с другим персонажем драмы — боярином Пушкиным, мнение которого о народе приводилось.

Кроме того, тот или иной вывод возникает не на основании отдельных реплик героев, а в общем контексте произведения, который завершается авторской ремаркой: «народ безмолвствует». К тому же, справедливо приводимые параллели с восстанием декабристов и временем написания пьесы (за месяц перед выступлением!) настраивают на ее сопоставление с реальностью 14 декабря 1825 года. Как и в «Борисе Годунове», народ не только молчал, но не заметил слова, произнесенного на Сенатской площади. А это слово было посильнее, чем реплика юродивого. К несчастью, народ в России в большей части своей истории был и остается нем. И трагедия «Борис Годунов» названа трагедией и по этой причине тоже.

Неоднократно замечалось то, что позднее сформулировал Николай Бердяев: «Если творец хочет выразить судьбу своего народа и разделить ее, то потому, что он внутренне с ней связан, и даже, может быть, более с ней связан, более есть настоящий народ, чем бескачественная народная масса. О народе мы судим прежде всего по его гениям, по

его вершинам, а не по обыденной жизни человеческих масс, по качеству, а не по количеству»¹¹. В этом замечании, как видим, маятник отношения к народу от точки необъятной любви качнулся к другой точке — уничтожения: «бескачественная масса», «количество»... При том, что понимание слов «творец ...связан с народной судьбой более, чем сам народ» отдано на волю читателя.

Бердяевское суждение приведено для того, чтобы оттенить принципиально иную позицию Ахматовой, выраженную ею неоднократно. Например, в «Решке» — второй части «Поэмы без героя» — чеканно-четко:

*«Ты спроси у моих современниц,
Каторжанок, «стоятниц»¹², пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы»¹³.*

В том положении, в котором жила Ахматова, и в котором жили сотни тысяч и миллионы, невозможно помыслить бердяевскую диспозицию «творец» — «народ». Мысль — творец более, чем народ связан с народной судьбой — не работает. Они вровень.

Но равняли Поэта и народ не только безмерные страдания и горе. Сама же Ахматова констатирует иное — всеобщее поравнение людей смертью, ее тотальное и постоянное, вневременное доминирование над жизнью.

Это же — господство смерти — десятилетием до нее осознал и о нем написал Андрей Платонов. Царством смерти он видел весь СССР. В одном из писем автора «Котлована» находим ужасающие строки: «Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. ...Всюду растление и разврат. Пол, литература (душевное разложение), общество, вся история, мрак

¹¹ Бердяев Н. О творческой свободе и о фабрикации человеческих душ // Анна Ахматова: PRO ET CONTRA. Антология. Т. 2. СПб., 2005. С. 102.

¹² «Стопятницами» именовали репрессированных женщин, которым позволялось проживать только за чертой больших городов — «за сто пятой верстой». Позднее, в послевоенном СССР была введена норма и понятие «сто первый километр».

¹³ Ахматова Анна. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2010. С. 527.

⁸ Там же. С. 417.

⁹ Волков Г. Мир Пушкина. Личность, мировоззрение, окружение. М., 1989. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 121.

будущего, внутренняя тревога — всё, всё, везде, вся земля томится, трепещет и мучается»¹⁴.

Что же все-таки хотел сказать Андрей Платонович, избирая себе в качестве символа бытия в СССР старуху с косой¹⁵? Думаю, он хотел найти то, посредством чего можно объять необъятное. Вспомним. Когда древнегреческие философы озаботились вопросом о мире в целом, они нашли единственно возможный для этого мыслительный ход — сообщить нечто о «материале», из которого он устроен. Их ответы — вода, воздух, огонь, атом — об общем в необъятном разнообразном. Думаю, что и Платонов, размышляя над вопросом, что такое новая советская страна, нашел свой «атом» — то, что пребывает во всем. К его ужасу этим первоосновным и вездесущим атомом оказалась смерть. И она же связала воедино недавнюю предысторию страны, ее настоящее и будущее.

Напомню, что сам Андрей Платонов в статье «Коммунизм в сердце человека», опубликованной в 1922 году, рассматривал смерть (физическое уничтожение буржуев) как единственно необходимый и неизбежный способ уничтожения все еще живущего прошлого, условие строительства нового общества — то есть, будущего. Он писал: «Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником и должен обрести в себе силу к этому. Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его»¹⁶.

Молчание как лишение жизни, как смерть — одна из центральных тем русской классической литературы. Первым к проблематике границы жизни и смерти (молчания) обратился А.С. Пушкин в «Гробовщике», одной из «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина». Здесь смерть вплетена в более

широкий мировоззренческий контекст размышлений о судьбе. Она — продолжение жизни и часть назначенного человеку пути. Но у Пушкина, как и вообще в отечественной прозе XIX столетия, этот смертный путь не вторгается в пространство жизни так, как это происходит в XX веке, например, у Платонова, когда непонятно — в жизни или в смерти пребывают герои. У реалистов Пушкина, а вслед за ним и Льва Толстого смерть входит в жизнь и в этот же момент ее прекращает. А если все же (как это делает Пушкин), смерть «живет» в жизни, то случается это только во сне, когда человек как бы переходит в царство смерти тем, что он молчит.

Ощущение приближающейся личной встречи с миром теней посещает гробовщика Адриана Прохорова уже с первых строк повествования — с момента переезда героя со старой квартиры, где в доме новом, недавно купленном. И хотя вся его работа совершается как бы в паре со смертью, казалось, должна была приучить его к спокойному к ней отношению, тем не менее, этого не было. А тут застолье. На вечеринке у немца-ремесленника один из гостей предложил выпить за здоровье тех, на кого гости работали. И гробовщику пришлось пить за здоровье ...мертвецов. Во сне Адриану снится пирушка, на которой он встречает своих клиентов, пьет с ними, разговаривает. Однако когда один из мертвецов попытался обнять его, он в ужасе отталкивает скелет и тот рассыпается. И здесь важное место: в мире мертвых, оказывается, существуют те же нормы и понятия, что и в мире живых. Гробовщику случается нечаянно толкнуть один из скелетов, который упал. «Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криками и почти задавленный, потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств»¹⁷.

Пушкинское эскизное описание загробного мира с упоминанием понятий о чести, способностью испытывать негодование и браниться, дает нам понимание того, что между двумя мирами нет существенного различия. Более того, переход из одного мира в другой не видится чем-то невозможным или исключительным. «Тот» мир не менее реален, чем описанная автором пирушка. Для русского человека мир здешний и «тамошний» равно

¹⁴ Платонов Андрей. «...я прожил жизнь». Письма (1920-1950 гг.). М., 2013. С. 233.

¹⁵ Символ смерти не только давно живет, но и никак не уходит из отечественной литературы. Так, большой поэт Борис Рыжий, несомненно, мечтавший о «новом времени», не дождавшийся его и потому убивший себя, написал:

«За обедом, блядь, рассказал Косой,
что приснилась ему блядь с косой —
фиксы золотые
и глаза пустые.

Ломанулся Косой, а она стоит,
только ногтем грязным ему грозит:
поживи, мол, ладно,
типа, сука, падло».

¹⁶ В кн.: «Страна философов» Андрея Платонова...». С. 481.

¹⁷ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-и тт. М., 1981. Т. 6. С. 127–128.

существуют и не в том ли их подобие, что и здесь, и там человек согласно молчит?

Едва ли не центральной делает тему смерти в своем творчестве Лев Толстой. Повесть «Детство», как помним, начинается пробуждением Николеньки Иртеньева с мыслью о смерти матери и с возникающим вслед за этим чувствами и страхами. В 1858 году появляется рассказ «Три смерти», замысел которого подробно истолкован самим Толстым в письме к тетке: «Моя мысль была: три существа умерли — барыня, мужик и дерево. — Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью... Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия — природа, с которой он жил. Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил ее, убивал баранов, и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он знает твердо этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза... Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво, — потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет»¹⁸.

«Севастопольские рассказы» — значимое продолжение исследования опыта смерти. Кульминационное место испытаний человеческого естества в первом очерке цикла — четвертый бастион. Толстой показывает две разные точки зрения на этот «страшный бастион»: тех, кто на нем никогда не был; и тех, кто живет там. Первые убеждены, что четвертый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него. Вторые, говоря про бастион, скажут, что там сухо или грязно, тепло или холодно в землянке. За этим — отношение к смерти.

Продолжая погружать читателя в прозу военной жизни, автор выводит его на дорогу к бастиону, а там начинается сплошная грязь. Едва ли не каждая часть текста содержит в себе это слово. Вот солдат, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, со смехом пробегает мимо; траншея наполнена жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена; изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон трупами; пушка, до половины потонувшая в грязи и т.п.¹⁹.

¹⁸ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х тт. М., 1978. Т. 3. С. 455.

¹⁹ Замечу, что и у Платонова земля — постоянное и активно осваиваемое место обитания героев. Это и котлован, и кладбище, где мужики ломают кресты на топку, то место, в

Вообще грязь, а на самом деле — растворенная в воде, разбавленная водой земля (в том числе и земля-кормилица, и мать сыра-земля), играет роль сопутствующего элемента в толстовских описаниях могущего каждое мгновение состояться перехода человека из царства жизни в царство смерти. Вспомним, что в рассказе «Три смерти» экипаж барыни стоит прямо посередине грязи и сил выбраться из нее на сухое место у умирающей, в отличие от сопровождающих ее, нет. Образ этот — как бы предуведомление всем умирающим о том, что земля уже готова принять их в свое мягкое нутро. И они, хотя и по-разному реагируют на этот сигнал, но все же не так как собирающиеся жить дальше. Эти последние через грязь перебираются, от грязи отмываются, как-то грязь преодолевают.

В связи с темой смерти как молчания и жизни как внезапно прорезывающегося голоса, в творчестве Толстого не менее значимы повесть «Смерть Ивана Ильича» и рассказ «Хозяин и работник». Оба произведения строятся по одной смысловой траектории. Герои обоих — член судебной палаты Иван Ильич и купец второй гильдии Василий Андреевич — живут, как принято в их социальных группах: в делах и без любви. Оба женились, тогда и так, как это было «положено», оба не любят своих жен. Правда, купец, может быть больше расположен к своему сыну. Однако определить, насколько это определяется его отцовской любовью, а насколько — приписываемым ребенку статусом «наследника», сложно. Больше они не любят никого и, наверное, это чувство никогда бы не дало им о себе знать, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Как помним, Иван Ильич неловко падает с высоты боком на кресло и с тех пор нечто, произошедшее с ним, начинает его медленно убивать. Купец, одержимый делом, которое, как он полагает, не терпит отлагательства, так как торгуемый лес может быть перекуплен другими, не хочет замечать происходящей у него на глазах опасной перемены погоды. Мороз, снег и ветер кажутся ему незначительными препятствиями в сравнении с близостью (всего несколько верст и сговорчивый продавец) желанной цели.

К обоим медленно (к одному — в течение недели, к другому — в течение ночи) подкрадывается смерть. И обоих в последний момент спасает любовь. (Ничего подобного нет у Андрея Платоно-

котором Саша роет себе возле отца яму, и деревня, которая землей кормится и в земле заготавливает себе гробы.

ва). В обоих случаях избавительница от страха и страданий, примиряющая со смертью любовь приходит, когда человек начинает думать, заботиться, любить другого. Сострадание к ближнему — неременное условие возможности любви.

Обуздать смерть, как помним, пытался и голевский философ Хома. «Сделать зло разом... и этим кончить его», — пробовал герой Достоевского Родион Раскольников. Смерть осталась не уязвимой, осталась тем, к чему человек так и не сумел притронуться, оставаясь живым. Может быть, нечто подобное о смерти понял отец Саши Дванова, любопытный рыбак с озера Мутево? Ведь там, на дне, между жизнью и смертью, обитали рыбы, которые молчали и не думали, потому что уже знали. И так же осознанно, как и отец, поиск иного бытия, отличного от существования в земном царстве смерти, продолжил ушедший в озеро — вечную молчащую стихию — Саша.

Смерть — одна-единственная общая скрепа разнообразного платоновского мира. И обретается она не только там, где была в литературе XIX века, — за порогом жизни. Большевик втащил ее через порог в человеческий дом, и теперь она то ли сосуществует с жизнью, то ли уже все заменила ее. По этой причине в точности сказать, кто из героев Платонова жив (пока жив), а кто уже мертв, нельзя. Все существуют в стадии перехода от жизни к смерти и разница между героями лишь в том, что одни находятся в начале этого процесса, другие приближаются к финалу, а третьи уже мертвецы. Смерть царит и в своем царстве говорить ей нет нужды. Все молчат — потому, что знают. Молчат — потому что ничего нельзя сделать. Молчат — потому что в этом единственный признак человеческого достоинства, чего-то, что ты значишь сам по себе.

Платонов не говорит, когда именно и с чего началось это царство. Но он ясно дает понять: его конца, как второго пришествия и воскресения мертвых, ждать не следует.

С этой же констатации начинается свой «Реквием» Ахматова:

« — А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом»²⁰. Молчание.

²⁰ Ахматова Анна. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2010. С. 288.

Со встречи голоса и молчания — молчания как смерти — начинается главное произведение Поэта. И далее смерть в разных своих ипостасях присутствует в каждой строфе поэмы. А поскольку ее части писались в разное время, то, стало быть, это ощущение не покидало Ахматову никогда. Вспомним о некоторых упоминаниях «молчания — смерти»: стоящие в тюремной очереди женщины «*мертвых бездыханней*» и охвачены «*смертельной тоской*»; у каждой «*словно с болью жизнь из сердца вынут*». Это время — когда «*только мертвый спокойствию рад*», а над еще живыми «*звезды смерти стояли*», а летящие недели «*о смерти говорят*». Специальная часть поэмы напрямую обращена к смерти:

*«Ты все равно придешь. Зачем же не теперь?
Я жду тебя. Мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом,
Иль сказочкой, придуманной тобой
И все до тошноты знакомой, —
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Струится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас затмевает»²¹.*

В отличие от классиков XIX века и от Андрея Платонова, классика века XX в поэзии Ахматовой трактуется отношение «молчание — голос» несколько по-иному. Посредством соединения голоса Поэта и молчания Народа смерть как молчание преодолевается. Народ начинает жить посредством Поэта, а Поэт обретает бессмертную жизнь, соединяясь с телом Народа. Это интуитивно почувствовала большевистская власть, когда в своей беспощадной борьбе с народом вдруг обнаружила, что ее прежде всегда безмолвный предмет усилий обрел голос.

Почему этого не было у Платонова? Возможно, потому что он первым в XX веке открыл свою страшную истину об СССР. В описанном им мире «живут» мертвецы, которые хотя и двигаются, по-

²¹ Там же. С. 292.

добно живым, но все немые, подобно мертвым. Отсюда — нечеловеческая речь платоновских героев. Речь людей, которые постоянно немые и только иногда получают возможность что-то сказать.

За народ говорит поэт. Но даже у большого поэта голос есть не всегда. Будем снисходительны. Иногда и он отступает, не выдерживая страшного противостояния со смертью в лице могущественного государства или тирана. В этот момент он на время становится немым, потому что восхваление смерти — конец жизни, отсутствие голоса. Так, Осипа Мандельштама, автора «Мы живем, под собою не чуя страны...» в начале тридцать седьмого неожиданно захватило молчание и он обратился к Сталину. «Я рассказал о том, кто сдвинул мира ось, / Ста сорока народов чтя обычай...» Он «мужество улыбкою связал». «И в дружбе мудрых глаз... / ...вдруг узнаешь отца». «...Ему народ родной...», «Могучие глаза решительно добры/Густая бровь кому-то светит близко». «Весь — откровенность...». «Он улыбается улыбкою жнеца». «Есть имя славное для сильных губ чтеца./Его мы слышали, и мы его застали». «Хочу его назвать — не Сталин, — Джугашвили». Следом — еще более страшный приступ немоты:

*«Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ как судия судит...»*

*Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы, —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жить Сталин».*

Как относиться к неприкрытому, хотя и довольно сдержанному славословию? Многие, — пишет Н.Я. Мандельштам, — советовали уничтожить стихи, будто ничего подобного никогда не было. «Но я этого не делаю, потому что правда была бы неполной: двойное бытие — абсолютный факт нашей эпохи, и никто его не избежал. Только другие сочиняли эти оды в своих квартирах и дачах и получали за них награды. Только О.М. сделал это с веревкой на шее... Ахматова — когда веревку стягивали на шее у ее сына. Кто осудит их за эти

стихи?»²². И вправду, не нам судить. Доверимся мудрому человеку, а она — Надежда Яковлевна — свидетельствует: когда веревкой давили шею. Какой уж тут голос...

Тема молчания и голоса неожиданно расширяется и дробится, будучи соотнесенной с бытием Ахматовой, Мандельштама и Платонова. Приведу относящееся к Ахматовой, но оно же — копиркой — повторяется у двух других.

Светлана Коваленко констатирует: «Бездомность была характерной приметой быта и бытия Анны Ахматовой. С тех пор как она в 1916 году ушла из дома Гумилева, у нее не было своего дома, даже когда Союз писателей дал ей квартиру, а затем и знаменитую «будку», как она называла свою дачу в Комарове»²³. Мандельштам и Платонов — тоже вечные скитальцы.

«Меня не знают», — раздраженно и горестно говорила Анна Ахматова в последние годы жизни, когда «Реквием» и «Поэма без героя» уже были опубликованы за рубежом, по-прежнему оставаясь под запретом на родине»²⁴. Запрет на стихи Мандельштама был всегда. Так же под запретом печататься творил Платонов.

«Тропинкой над пропастью», — называла Ахматова свою жизнь с 1925 по 1939 год: «...мое имя вычеркнуто из списка живых»²⁵. А то, что все же писалось, было откликом на нестерпимую боль безвыходного горя. В полной мере это и про двух других тоже.

Задушенный голос — инобытие молчания? Конечно.

Недавно Александр Сокуров поделился наблюдением: «Вижу миллионы безграмотных людей не только с точки зрения родного языка, но и с точки зрения всеобщей грамотности — социальной и культурной. Абсолютно дремучее состояние людей, которых можно повести за собой под любыми знаменами: нацистскими, тоталитаристскими, националистическими»²⁶. Все это — немые и, что

²² Мандельштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М., 2006. С. 240.

²³ Коваленко С. Анна Ахматова. М.: ЖЗЛ, 2009. С. 224.

²⁴ Там же. С. 226.

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Сокуров Александр. Кино и жизнь. (<http://www.businesspuls.ru/archives/2426>).

еще страшнее, не озабоченные обретением своего и или чужого, говорящего о тебе голоса.

Итожу. Ахматова не воспринимает народ как конкретную реальность. Ее позиция — полное с ним единство: «...Там, где мой народ, к несчастью, был». Иное у Осипа Мандельштама²⁷. Иное — у Андрея Платонова. В отличие от поэтов, автор «Котлована» к народу, пожалуй, наиболее открыт и честен. А потому беспощаден. В одном из рассекреченных недавно доносов на него слышим его собственный голос: «... Люди живут сейчас не по внутреннему закону свобо-

ды, а по внешнему предназначению и все они сукины дети»²⁸. Вот так: жестко, без разбора. Так о народе — не он первый. Хорошо известна писательская позиция Варлама Шаламова: беспощадно мстить всем сукам, уничтожавшим людей в советских лагерях. Голосом мстить тем, у кого его не только нет, но кто никогда не хотел, чтобы он был. Немым, которые хотели заставить замолчать и говоривших.

« — А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу».

Список литературы:

1. Ахматова Анна. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2010.
2. Бердяев Н. О творческой свободе и о фабрикации человеческих душ // Анна Ахматова: PRO ET CONTRA. Антология. Т. 2. СПб., 2005.
3. Варламов А. Андрей Платонов. М.: ЖЗЛ, 2011.
4. Волков Г. Мир Пушкина. Личность, мировоззрение, окружение. М., 1989.
5. Коваленко С. Анна Ахматова. М.: ЖЗЛ, 2009.
6. Мандельштам Надежда. Воспоминания. Т. 1. М., 2006.
7. Никольский С.А. Поэт и Власть. (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков») // Философия и культура. 2013. № 6. С. 806–815.
8. Платонов Андрей. «...я прожил жизнь». Письма (1920–1950 гг.). М., 2013.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-и тт. М., 1981.
10. Сокуров Александр. Кино и жизнь. (<http://www.businesspuls.ru/archives/2426>).
11. Степун Фёдор. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000.
12. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х тт. М., 1978. Т. 3.

References (transliteration):

1. Akhmatova Anna. Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome. M., 2010.
2. Berdyayev N. O tvorcheskoi svobode i o fabrikatsii chelovecheskikh dush // Anna Akhmatova: PRO ET CONTRA. Antologiya. T. 2. SPb., 2005.
3. Varlamov A. Andrei Platonov. M.: ZhZL, 2011.
4. Volkov G. Mir Pushkina. Lichnost', mirovozzrenie, okruzhenie. M., 1989.
5. Kovalenko S. Anna Akhmatova. M.: ZhZL, 2009.
6. Mandel'shtam Nadezhda. Vospominaniya. T. 1. M., 2006.
7. Nikol'skii S.A. Poet i Vlast'. (Zametki o vospriyatii Osipom i Nadezhdoi Mandel'shtam «vremeni bol'shevikov») // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 6. S. 806–815.
8. Platonov Andrei. «...ya prozhil zhizn'». Pis'ma (1920–1950 gg.). M., 2013.
9. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii v 10-i tt. M., 1981.
10. Sokurov Aleksandr. Kino i zhizn'. (<http://www.businesspuls.ru/archives/2426>).
11. Stepun Fedor. Byvshee i nesbyvsheesya. SPb., 2000.
12. Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii v 22-kh tt. M., 1978. T. 3.

²⁷ Никольский С.А. Поэт и Власть. (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков») // Философия и культура. 2013. № 6. С. 806–815.

²⁸ <https://www.facebook.com/alex.bomza/posts/680716728641509>.